

Игорь ПОТОЦКИЙ НОВЫЕ СТИХИ

Николаю Прокопенко

Возле дома огромный пруд. Важный карп высовывает морду, его глаза напоминают две колоды карт, где спрессованы столетия и голоса. Пруд безмолвен. Ветер недавно утих. Луна звенит, как колокольчик шута, волна вздымается тихим совсем "прости", где не отмерена звучания долгота.

Важный карп заблудился в огромном пруду, морда его поникла, высунувшись из воды, и он про себя повторяет, словно в бреду, код, его охраняющий от близкой беды. Кроны могучих деревьев нависают кругом, словно столетия, замершие в потьмах, и у карпа под маленьким его языком долго еще ворочаются боль и страх.

Колокольчик шута до-ре-миный звон остановил, как бег свой дерзкий бегун, и зазвучали скрипки и альты крон, будто смычок коснулся натянутых струн. Карпа уже не видно. Пруд под лунной замер, напоминая каток ледяной, где конькобежец, чиркнув коньками о лед, славою бредит, но в пропасть не упадет.

Все, что мы подумали друг о друге тайком, не смогли выразить взглядами и словами, будто по луговой траве ты бегала босиком, а я замер. Отключилась память, как телефон, только твои колени и белоснежное платье, а все остальное — всего лишь фон перед объёмом. И ты уже бежишь ко мне по траве, словно скрипка, рыдая некстати, а в моей не рассуждающей голове много пятен.

Кроны могучих деревьев нависают кругом. Гром несуразно вытянулся и повис. Детство свое листаю, как древний том, где тьма рисунков и слишком много страниц. Дальневосточное детство мое в гарнизон было упрятано, тайны на каждом шагу, словно шлагбаумы, шаг часовых невесом, выюги шалят, но об этом ты ни гу-гу!

Там подполковник Зябликов, комполка, вновь обольщает молоденьких лейтенантш, вечно играет в славного старика и все бормочет: "Сердце свое отдашь!" Сколько красавиц в его побывало силках — не сосчитать двум сплетницам, даже трем. Сколько кг антинежности в его глазах, хоть их не рубит молния и не сотрясает гром.

А я видел слезы лейтенантши Марии Зет, славной Марии Зет, стройной Марии Зет. Весь гарнизон покрыли собой слезы Марии Зет, вздохи ее долетели до Хабаровска и Владивостока.

Из-за подполковника Зябликова я разлюбил стихи, первую со стихами я разорвал тетрадь. Дело совсем не в том, что были стихи плохи, — просто мне не хотелось их никому читать.

Шагали brave роты, гремели солдат голоса, подполковник Зябликов на белом коне гарцевал, но я ничего не видел — только скорбной Марии глаза, ее роскошные волосы и бледный лица овал.

Господи, как ты прекрасна в небрежной позе своей — музыка моей муки, прошлого с будущим связя, шорохи поздней ночи и ароматы полей, первое стихотворение, нежная моя страсть.

В кофточке снежно-белой, в юбочке до колен, с робкой такой усмешкой, застрявшей на ноте си, боящаяся, что я пострадаю, когда заберешь меня в плен, а я не страдал нисколько, но ты за это прости.

Город был на Востоке, теперь остался мираж. Память моя похожа на одинокий сугроб, на дальневосточную речку и одинокий пейзаж тайги, что лежит под снегом, чей не грозен покров.

Вот я и увожу тебя снова в тайгу, где могу роли играть невзрачные — даже шута, потому что накладывается на тайгу светлого твоего имени звонкая долгота.

Ты похожа сейчас на вопросительный знак, но запросто выпрямляешься и без моих рук-губ-ног, словно старинный пятак, когда по нему бьешь камнем, потом пропадает звук. Тело твое волшебным светится фонарем и загорается звездочкой в небесах, снова и снова шепчущей, что быть мне в сердце твоём, плыть по нему, и ветер играет пусть в парусах. Как я боюсь приблизиться!

Делаю робкий шаг и застываю на месте, словно в подъезде чужом, где я сочинил поэму о глазах твоих и губах, а ты сказала некстати, что я пишу не о том.

Как она была хороша, паря надо льдом воображаемой птицей, летели за ней т-а-я-т-мягкий знак-я-н-а и хватал я ртом не снежинки, а буквы, что были Земли круглей. Как таблетки, ложил эти восемь букв под язык, и снимали они любую печаль и боль, превращая в улыбку несостоявшийся крик или в музыку, что разговаривала с тобой.

МАРИ-Я

Я не помню, как звали ее, — назову Мари, обрубив последнюю букву, что стала мной, но одну прогулку я помню — до самой зари, может, поздней зимой, а возможно, ранней весной?

Своенравна, печальна, возвышенна и озорна, протрубила она, что теперь поцелуи без счета, потому что нет звездам числа, и застыла луна, как последняя клякса, в небесные въехав ворота.

Вот она приникает ко мне, проникает в меня, будто я выпиваю любовный раствор, забывая

Игорь Поточкин. Рисунок Николая Дронникова

всех любивших меня, всех когда-то бросавших меня, всех пленивших меня — даже их я легко забываю.

Математик Гипотенуза был высоким и тощим, философствовать мог на любую тему, но более всего он любил леса и рощи, а потом уже Солнечную систему.

Нос его был большого размера, и он чувствовал своим носом всех, кто списывает примеры и задает каверзные вопросы.

В класс он заходил без хлыста и палки, но глаза его гневно сверкали, похожие на бронетранспортеры и танки, что метко по двоечникам стреляли.

Он не точил на уроках ляды — никогда не отвлекался от заданной темы. Младшие классы и старшие классы ждали с нетерпением перемены.

За окнами многоточие парка — кроны, разучивающие свои гимны, но однажды Гипотенуза заплакал прямо на уроке. Сгорбил спину.

Как первоклашка, выбежал из класса. Мы так и не узнали, что у него случилось? Но с той минуты, могу поклясться, что-то в наших душах переменялось.

Так мы полюбили Гипотенузу...

Квадрат казарм, квадратный плац, прямоугольники окон. Проходит мимо Розенкрац — войны гражданской военком. За ним течет кровавый шелк знамен — своих или чужих, а в памяти — все щелк и щелк — зигзагов много в ней косых. Спален в ней город дочерна, стоит невыносимый смрад, лежит в развалинах страна и бессердечен к брату брат. День раньше времени померк — не выдержал, в ногах ослаб, метнулся в угол от калек, опал лицом, как жалкий раб. Местечко стало пустырем. Внезапно понял Розенкрац, что он — совсем не военком, а пасынок судьбы — паяц. Два года брел он на восток, его скрывал деревьев мрак, пытаюсь выследить исток улыбки на чужих губах...

IX Международный поэтический турнир в Дюссельдорфе

Клуб "Neue Zeiten" и литературное объединение "Шаг навстречу" предлагают все желающим

участвовать в IX Международном поэтическом турнире в Дюссельдорфе под девизом:

«Держу пари, что я еще не умер...»

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

«Довольно кукушаться...»

Довольно кукушаться,
бумаги в стол засунем,
Я нынче славным бесом обуян,
Как будто в корень голову шампунем
Мне вымыл парикмахер Франсуа.

Держу пари, что я еще не умер,
И, как жокей, ручаюсь головой,

Что я еще могу набедакурить
На рисистой дорожке беговой.

Держу в уме, что нынче тридцать первый
Прекрасный год в черемухах цветет,
Что возмужали дождевые черви
И вся Москва на яликах плывет.

Не волноваться: нетерпенье — роскошь.
Я постепенно скорость разовью,
Холодным шагом выйдем на дорожку,
Я сохранил дистанцию мою.

В конце этого года и в начале 2009 пройдут региональные турниры, на которых будут отобраны призеры, получающие право участвовать в финале турнира в мае 2009 года в Дюссельдорфе.

Друзья! Наш проект "Международный поэтический турнир в Дюссельдорфе" рассчитан на десять лет — 2001-2011 годы. На протяжении восьми лет мы творили новую поэтическую реальность. Впереди у нас еще два турнира. Два года нас будут вдохновлять новые строчки девизов, чтобы к концу марафона получить возможность быть по достоинству оцененными. Нами запланировано в 2011 году издать "Золотую книгу" стихов поэтов, принимавших участие в турнирах. Мы предоставим вам возможность ознакомить читателей со своими поэтическими произведениями, не связанными с тематикой турнира.

Сайт турнира в Интернете: www.turnir-poesie.de
e-mail: Pedakhovskaja@t-online.de
Тел. 0049 (0) 211 352240

Президент Международного поэтического турнира в Дюссельдорфе
Рафаэль АЙЗЕНШТАДТ.